

Пьер Бурдьё

Часть третья. НАЧАЛА

Социальное пространство и символическая власть^{ii[1]}

(Бурдьё П. Начала. Choses dites: Пер. с фр. /Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н. А./ — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 181-207.)

Принимая во внимание ограниченность одной лекции, мне хотелось бы попробовать изложить теоретические принципы, положенные в основание исследования, чьи результаты представлены в книге «Различение», и показать возможные теоретические приложения, которые с большой вероятностью могут ускользнуть от читателя, особенно в другой стране, из-за расхождений в культурных традициях. Если бы мне нужно было охарактеризовать мою работу в двух словах, т. е., как это часто делается теперь, наклеить на нее этикетку, я говорил бы о *constructivist structuralism*^{ii[2]} или о *structuralist constructivism*^{iii[3]}, взяв при этом слово структурализм в смысле, сильно отличающемся от того, который ему придает сосюрровская или леви-строссовская традиция. С помощью структурализма я хочу сказать, что в самом социальном мире, а не только в символике, языке, мифах и т. п. существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять или подавлять их практики или представления. С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, — социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами, и что обычно называют социальными классами.

Я считаю, что здесь данное уточнение особенно необходимо: действительно, из-за превратности переводов знают, например, «Воспроизводство» («*La Reproduction*»), а это приводит к тому — и некоторые комментаторы делают это, не колеблясь, — что меня определяют в структуралисты, в то время как совершенно не знакомы с более ранними моими работами (настолько ранними, что они предшествуют даже появлению типично «конструктивистских» работ на эту же тему), которые, несомненно, заставили бы воспринимать меня как «конструктивиста». Так, в книге, называющейся «Педагогическое отношение и коммуникация» («*Rapport pédagogique et communication*»), мы показываем, как строится социальное отношение понимания и через непонимание, или несмотря на непонимание; как преподаватели и студенты приходят к согласию через некоторого рода негласные переговоры, подспудно направляемые заботой о минимизации издержек и риска, чтобы получить минимальную определенность ситуации коммуникации. В другом

исследовании — «Категории профессорского понимания» («*Les catégories de l'entendement professoral*») — мы пытаемся проанализировать генезис и функционирование категорий восприятия и оценивания, с помощью которых преподаватели строят образ своих учеников, оценивают их развитость, их ценность и с помощью практик кооптации, направляемых теми же категориями, формируют саму группу своих коллег и преподавательский корпус. Теперь, после этого отступления, я возвращаюсь к сути дела.

В самом общем виде социальная наука — антропология, социология или история — колеблется между *двумя* с виду несовместимыми точками зрения: объективизмом и субъективизмом или, если угодно, между физикализмом и психологизмом (который может принимать различные окраски: феноменологические, семиологические и т. п.). С одной стороны, согласно старой дюркгеймовской максиме она [социальная наука] может «рассматривать социальные факты как вещи» и устраниваться, таким образом, от всего, чему те обязаны своим существованием в качестве объектов познания (или незнания) в социальном бытии. С другой стороны, она может сводить социальный мир к представлениям о нем, конструируемым самими агентами; задача социальной науки заключается в таком случае в производстве «мнения о мнениях» (*account of the accounts*), производимых социальными субъектами.

Эти две социальные позиции редко выражаются и тем более применяются в научной практике столь радикальным и столь контрастным образом. Можно видеть, что Дюркгейм (вместе с Марксом) наиболее последовательно изложил объективистскую позицию: «Мы считаем плодотворной идею, что социальная жизнь должна раскрываться не через концепцию того, кто в ней принимает участие, а через глубинные причины, которые ускользают от сознания». Но, будучи хорошим кантианцем, он не отрицал, что понять эту реальность можно, лишь применяя к ней логические инструменты. Соответственно, объективистский физикализм сочетается часто с позитивистской склонностью понимать классификации как «операционное» деление или как механическую регистрацию «объективных» разрывов и непрерывностей (например, в распределениях). А наиболее чистые выражения субъективистского видения можно найти, конечно, у Шюца и этнометодологов. Так, Шюц движется в точно противоположном направлении от Дюркгейма: «Наблюдаемое поле *social scientist*, научная реальность, имеет специфический смысл и структуру соответствия для живущих, действующих и мыслящих в ней человеческих существ. Путем серии построений здравого смысла они предварительно отобрали и проинтерпретировали этот мир, который ими воспринимается как реальность повседневной жизни. И именно эти мысленные объекты определяют их поведение, мотивируя его. Мысленные объекты, сконструированные

обществоведом для того чтобы понять социальную реальность, должны базироваться на мысленных объектах, сконструированных здоровой мыслью людей, живущих своей обыденной жизнью в своем социальном мире. Таким образом, конструкции социальных наук являются, так сказать, конструкциями второго порядка, конструкциями конструкций, созданных актерами на социальной сцене»^{iv[4]}. Противопоставление полное: в одном случае научное познание получается лишь через разрыв с первичными представлениями, называемыми «допонятийными» у Дюркгейма и «идеологическими» у Маркса, который происходит по бессознательным причинам. Во втором случае социальное познание неотрывно от обыденного познания, поскольку оно есть не что иное, как «построение построений».

Если я немного тяжеловесно привел эту оппозицию как пример одной из наиболее пагубных из тех «пар концептов» (*paired concepts*), которыми кишат социальные науки, как нам это показали Ричард Бендикс и Беннет Бергер, то потому, что самое постоянное и, на мой взгляд, самое важное для работы мое желание — преодолеть ее. Рискую показаться очень непонятным, попробую дать в одной фразе резюме всего изложения, которое я вам предлагаю сегодня. С одной стороны, объективные структуры; которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур. Это означает, что оба подхода — объективистский и субъективистский — находятся в диалектической связи и что, даже если субъективистский подход, когда его берут изолированно, кажется очень близким интеракционизму или этнометодологии, он отделен от них радикальным отличием: точки зрения фиксируются как таковые и соотносятся с позициями соответствующих агентов в структуре.

Чтобы действительно преодолеть искусственную оппозицию, установившуюся между структурами и представлениями, нужно порвать со способом мышления, который Кассирер называет субстанциалистским и который направлен на непризнание никаких других реалий, кроме тех, что поставляются непосредственной интуицией в обыденном опыте индивидов или групп. Главный вклад так называемой революции структурализма заключается в применении к социальному миру реляционного способа мышления, способа современной математики или физики, который идентифицирует реальность не с субстанциями, а со связями. «Социальная реальность», о которой говорил Дюркгейм, есть

ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине. Социология в объективистском аспекте является социальной топологией, *analysis situs*, как называли эту новую область математики во времена Лейбница, анализом относительных позиций и объективных связей между позициями.

Этот способ реляционного мышления является отправной точкой построений, представленных в «Различении». Но существует большая вероятность того, что пространство, т. е. связи, ускользает от читателя, несмотря на обращение к диаграммам и к факторному анализу: во-первых, поскольку субстанциалистский способ мышления более легкий и «естественный»; во-вторых, поскольку часто случается, что средства, вынужденно использующиеся для конструирования и обнаружения социального пространства, могут заслонить полученные с их помощью результаты. Группы, конструируемые для объективации занимаемых ими позиций, заслоняют эти позиции; например, в «Различении» главу, посвященную Фракциям доминирующего класса, кто-то может прочесть как описание различных стилей жизни этих фракций, не заметив там позиций в пространстве властных отношений — то, что я называю полем власти. Изменение терминологии является, как мы видим, одновременно условием и результатом разрыва с обыденным представлением, связанного с идеей *ruling class*^[5].

С этого момента изложения можно сравнивать социальное пространство и географическое пространство, внутри которого выделяются области. Это пространство сконструировано таким образом, что агенты, группы или институты, размещенные в нем, имеют тем больше общих свойств, чем более близки они в этом пространстве, и тем меньше, чем более они удалены друг от друга. Хотя пространственные дистанции — на бумаге — совпадают с социальными дистанциями, тем не менее они не существуют в реальном пространстве. Так, несмотря на то, что почти всюду можно наблюдать тенденцию сегрегации в пространстве, когда люди, близкие в социальном пространстве, стремятся стать близкими — по выбору или вынужденно — в географическом пространстве, все же люди, сильно удаленные в социальном пространстве, могут встречаться, вступать во взаимодействия в физическом пространстве, по меньшей мере, на короткий период или время от времени. Взаимодействия, дающие непосредственное удовлетворение эмпирическим предрасположенностям — а их можно наблюдать, снимать, регистрировать, короче — трогать их пальцами, — заслоняют структуры, которые в них реализуются. Это один из тех случаев, когда видимое (непосредственная данность) скрывает невидимое, которым она определяется. Таким образом, не

учитывается, что истина взаимодействия никогда не заключается целиком во взаимодействии в том виде, в каком то предстает наблюдению. Одного примера достаточно, чтобы показать различие между структурой и взаимодействием и, одновременно, между структуралистским видением, которое я защищаю как необходимый момент исследования, и так называемым интеракционистским видением во всех его формах (в частности, этнометодологией). Я думаю о том, что называю для себя стратегиями снисходительности, когда агенты, занимающие высшие позиции в одной из иерархий объективного пространства, символически отрицают социальную дистанцию (которая от того не перестает существовать), обеспечивая себе таким образом выгоды от признательности, придаваемой этому чисто символическому отрицанию дистанции: «он простой», «он не гордый» и т. п.; вместе с тем предполагается признание дистанции (приведенные мной фразы предполагают всегда подтекст: «он прост для герцога», «он не гордый для университетского профессора»). Короче, можно пользоваться объективными дистанциями таким образом, чтобы получать преимущества от близости и преимущества от дистанции; т. е. от дистанции и от признания дистанции, которое обеспечивается символическим ее отрицанием.

Как можно конкретно зафиксировать эти объективные связи, не сводимые к взаимодействиям, в которых они проявляются? Эти объективные связи суть связи между позициями, занимаемыми в распределении ресурсов, которые являются или могут стать действующими, эффективными, как козыри в игре, в ходе конкурентной борьбы за присвоение дефицитных благ, чье место — социальный универсум. Основными видами такой социальной власти являются, согласно моим эмпирическим исследованиям, экономический капитал в его различных Формах, культурный капитал, а также символический капитал —• форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные. Таким образом, агенты распределены в общем социальном пространстве в первом измерении по общему объему капитала в различных его видах, которым они располагают, и во втором измерении — по структуре их капитала, т. е. по относительному весу различных видов капитала (экономического, культурного...) в общем объеме имеющегося у них капитала.

Недопонимание при чтении предлагаемого мной (в частности, в «Различении») анализа является результатом того, что классы на бумаге могут восприниматься как овальные группы. Подобное чтение объективно поддерживается тем фактом, что социальное пространство сконструировано так, что агенты, занимающие сходные или соседние позиции, находятся в сходных условиях, подчиняются сходным обусловленностям и имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами, а

следовательно, производить сходные практики. Диспозиции, приобретенные в занимаемой позиции, предполагают приспособление к этой позиции, которое Гоффман называл *sense of one's place*^{vi[6]}. Это чувство своего места, ведущее при взаимодействиях одних людей (которых французы называют «скромные люди») к тому, чтобы держаться на своем месте «скромно», а других — «держаться дистанцию», «знать себе цену», «не фамильярничать». Заметим, между прочим, что такие стратегии могут быть совершенно бессознательными и принимать формы застенчивости или высокомерия. В самом деле, социальные дистанции «вписаны» в тело, точнее, в отношение к телу, к языку или к времени (многие структурные аспекты практики игнорируются субъективистским видением).

Если добавить, что *sense of one's place* и переживаемое сходство габитуса, как, например, симпатия или антипатия, являются началом всех форм кооптации, дружбы, любви, брака, ассоциации и т. д., и, следовательно, всех устойчивых связей, иногда подтвержденных юридически, то можно увидеть, как все заставляет думать, что классы на бумаге являются реальными группами, тем более реальными, чем лучше сконструировано пространство, и чем меньше общности, вычлененные в этом пространстве. Если вы хотите создать политическое течение или же ассоциацию, у вас будет больше шансов объединить людей, находящихся в одном секторе социального пространства (например, на юго-западе диаграммы, со стороны интеллектуалов), чем если вы возьметесь сгруппировать людей, расположенных по четырем углам диаграммы.

Но так же, как субъективизм предрасположен редуцировать структуры к взаимодействиям, объективизм стремится выводить действия и взаимодействия из структуры. Таким образом, тарная ошибка, ошибка теоретизирования, которую мы находим у Маркса, заключается в рассмотрении классов на бумаге как реальных классов, в выведении из объективной однородности условий, обусловленностей и, следовательно, диспозиций, которые вытекают из идентичности позиций в социальном пространстве, их существования в качестве единой группы, в качестве класса. Понятие социального пространства позволяет избежать альтернативы номинализма и реализма в области социальных классов: политическая работа, нацеленная на производство социальных классов как *corporate bodies*, постоянных групп, обладающих постоянными органами представительства, обозначениями и т. п., имеет тем больше шансов на успех, чем более агенты, которых хотят собрать, объединить, построить в группу, близки в социальном пространстве (следовательно, принадлежат к одному классу на бумаге). Классы в марксовом смысле таковы, что их нужно строить с помощью политической работы, которая может быть тем более успешной, чем более она вооружена в действительности

хорошо обоснованной теорией и, следовательно, более способна оказать *эффект теории* — *theorein*, что по-гречески означает «видеть», т. е. навязать видение деления.

С помощью эффекта теории мы выходим из чистого физикализма, но не бросаем достижения фазы объективизма: группы, к примеру, социальные классы, нужно еще «создавать». Они не даны в «социальной реальности». Нужно понимать буквально название известной книги Э. П. Томпсона «Формирование английского рабочего класса» (*The Making of English Working Class*), рабочий класс, такой, каким он нам видится сегодня через слова, описывающие его, — «рабочий класс», «пролетариат», «трудящиеся», «рабочее движение» и т. д., через организации, предназначенные для его выражения, через обозначения, бюро, секретариат, знамена и т. п., является хорошо обоснованным историческим артефактом (в том смысле, в каком Дюркгейм говорил о религии, что это хорошо обоснованная иллюзия). Но это не означает, что можно сконструировать что угодно и неважно каким способом, ни в теории, ни на практике.

Таким образом, мы перешли от социальной физики к социальной феноменологии. «Социальная реальность», о которой говорят объективисты, есть также объект восприятия. А социальная наука должна брать в качестве объекта и эту реальность, и ее восприятие с перспективами и точками зрения, которые агенты имеют об этой реальности в зависимости от их позиции в объективном социальном пространстве. Спонтанные воззрения на социальный мир, «*folk theories*»^{vii[7]}, о которых говорят этнометодологи (или то, что я называю спонтанной социологией), так же, как и ученые теории, и социология составляют часть социальной реальности и могут получить совершенно реальную власть конструирования, как в примере с марксистской теорией.

Объективистский разрыв с предпонятиями, идеологиями, спонтанной социологией, народной мудростью — неизбежный и необходимый момент научного подхода. Нельзя экономить на нем, не подвергая себя риску больших ошибок, что мы видим в интеракционизме, в этнометодологии и в социальной психологии во всех ее формах, стремящихся к феноменальному видению социального мира. Но нужно совершить второй разрыв, более трудный — разрыв с объективизмом, заново вводя в оборот на следующем этапе все то, от чего избавлялись при конструировании объективной реальности.

Социология должна включать в себя социологию восприятия социального мира, т. е. социологию конструирования воззрений на мир, которые в свою очередь участвуют в конструировании этого мира. Однако, принимая в расчет построенное нами социальное пространство, мы знаем, что эти точки зрения, как говорит об этом само слово, являются взглядом с определенной точки, т. е. с определенной позиции в социальном пространстве. Мы знаем также, что точки зрения будут разные и даже антагонистические, ведь они

зависят от точки, с которой смотрят, поскольку для каждого агента видение пространства зависит от его позиции в этом пространстве.

Вслед за этим мы отрекаемся от универсального субъекта, от трансцендентального *Ego* феноменологии, которое этнометодологи переняли для собственных нужд. Конечно, агенты обладают активным восприятием мира. Конечно, агенты конструируют собственное видение мира. Но это конструирование осуществляется под структурным давлением. И можно даже объяснить в социологических терминах то, что проявляется как универсальное свойство человеческого опыта, а именно: освоенный мир имеет тенденцию быть воспринимаемым как нечто должное, что идет само по себе. Если социальный мир стремится восприниматься как очевидный и ощущаться (если пользоваться терминологией Гуссерля) согласно докисической модальности, то потому, что диспозиции агентов, их габитус, т. е. ментальные структуры через которые агенты воспринимают социальный мир» являются в основном продуктами интериоризации структур социального мира. Поскольку диспозиции восприятия имеют тенденцию приспособливаться к позиции, то даже наиболее обездоленные агенты стремятся воспринимать социальный мир как данное и мириться с гораздо большим, чем можно было бы вообразить, особенно, если смотреть социальным взглядом того, кто доминирует, на ситуацию тех, кто находится в подстепной позиции.

Таким образом, исследование инвариантных форм восприятия или конструирования социальной реальности скрывает различные вещи: во-первых, это конструирование не происходит в социальном вакууме, но подвергается структурному давлению; во-вторых, структурирующие структуры, когнитивные структуры сами являются социально структурированными, поскольку имеют социальный генезис; в-третьих, конструирование социальной реальности — это не только индивидуальное предприятие; оно может стать и коллективным. Но так называемое микросоциологическое видение забывает о многих других вещах. Так случается, если смотреть с очень близкого расстояния: за деревьями леса не видно; в особенности, при отсутствии сконструированного пространства нет никакой возможности увидеть откуда видят то, что видят.

Итак, представления агентов меняются в зависимости от их позиции (и связанных с ней интересов) и от их габитуса, взятого как система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик. В обоих случаях эти операции выражают социальную позицию, в

которой он был сформулирован. Вследствие этого габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации и объективно дифференцированные, но они воспринимаются непосредственно как таковые только теми агентами, которые владеют кодом, схемами классификации, необходимыми для понимания их социального смысла. Так, габитус подразумевает *sens of one's place*, но еще и *sens of others' place*^{viii[8]}. Например, мы говорим об одежде, о мебели или о книге: «это мелкобуржуазно» или «это интеллигентно». Каковы же социальные условия, позволяющие такое суждение? Во-первых, предполагается, что вкус (или габитус) как система схем классификации объективно соотносится через породившие его социальные обусловленности с определенным социальным условием: агенты классифицируют сами себя и позволяют себя классифицировать, выбирая в соответствии с собственным вкусом различные атрибуты — одежду, еду, напитки, спорт, друзей, которые хорошо сочетаются и которые хорошо им подходят или, более точно, соответствуют их позиции. Точнее, в пространстве возможных благ и услуг выбирают блага, занимающие в этом пространстве позицию, гомологичную той, которую агенты занимают в социальном пространстве. Из чего получается, что ничто не классифицирует более, чем кто-то, кто сам себя классифицировал.

Во-вторых, классификационное суждение типа «это мелкобуржуазно» предполагает, что мы, как социализованные агенты, способны видеть связь между практиками или представлениями и позициями в социальном пространстве (как мы догадываемся о социальном положении кого-либо по акценту). Таким образом, через габитус мы получаем мир здравого смысла, социальный мир, который кажется очевидным.

До сих пор я был на стороне воспринимающих субъектов и говорил о главном факторе изменчивости восприятия, т. е. о позиции в социальном пространстве. Но в чем заключается изменчивость, чья первооснова находится со стороны объекта, со стороны самого этого пространства? Верно, что соответствие между позициями и практиками, видимыми предпочтениями, выраженными мнениями и т. п., которое устанавливается при посредстве габитусов, диспозиций, вкусов, заставляет воспринимать социальный мир не как чистый хаос, полностью свободный от необходимости и могущий быть построенным каким угодно образом. Но вместе с тем, Социальный мир не предстает и как полностью структурированный и способный навязать любому воспринимающему субъекту прототипы собственной конструкции. Социальный мир может быть назван и построен различным образом в соответствии с различными принципами видения и деления: например, деления экономического или деления этнического. Если и верно, что в

наиболее развитых, с точки зрения экономики, обществах экономические и культурные факторы имеют наибольшую дифференцирующую власть, то, тем не менее, сила экономических и социальных различий никогда не бывает такой, что невозможно организовать агентов в соответствии с другими принципами деления: этническим, религиозным или национальным, например.

Несмотря на эту потенциальную множественность возможного структурирования — то, что Вебер называл разносторонностью (*Vielseitigkeit*) данных, — социальный мир предстает как сильно структурированная реальность. И именно это я хочу коротко раскрыть на примере одного простого механизма. Социальное пространство/такое, каким я его обрисовал выше, представляет собой совокупность агентов, наделенных различными и систематически взаимосвязанными свойствами: те, кто пьет шампанское, противопоставляются тем, кто пьет виски, но они противопоставляются также, другим образом, тем, кто пьет красное вино; однако у тех, кто пьет шампанское, больше возможностей иметь старинную мебель, заниматься гольфом, верховой ездой, ходить в театры и т. д., чем у тех, кто пьет виски, и бесконечно больше, чем у тех, кто пьет красное вино. Такие свойства, когда они воспринимаются агентами, наделенными соответствующими категориями перцепции, способными видеть, что игра в гольф «изображает» традиционную крупную буржуазию, функционируют в самой действительности социальной жизни как знаки. Различия функционируют как знаки и как знаки отличия (позитивного или негативного), будучи даже вне какого-либо стремления отличаться, вне какого-либо поиска *conspicuous consumption*^{ix[9]} (мой подход не имеет ничего общего с подходом Веблена: так же, как различие, с точки зрения местных критериев, исключает поиск различия). Иначе говоря, через распределение свойств социальный мир объективно представляется как символическая система, пространство стилей жизни и группы по статусу, характеризующиеся различными стилями жизни.

Таким образом, восприятие социального мира есть продукт двойного структурирования. Со стороны объективной оно социально сконструировано, поскольку свойства, атрибутированные агентам или институциям предстают в сочетаниях, имеющих очень неравную вероятность: так же, как у животного, покрытого перьями больше вероятности иметь крылья, чем у животного, покрытого мехом, у обладателей изящной речи больше шансов быть увиденными в музее, чем у тех, кто ею не владеет. Со стороны субъективной оно структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания, в особенности те, что вписаны в язык, выражают состояние отношений с символической властью; я думаю, например, о парах прилагательных: тяжелый—легкий, блестящий—тусклый и т. п., которые структурируют суждения вкуса в самых разных областях. Эти два

механизма участвуют в производстве общего мира, мира здравого смысла или самое малое — минимума консенсуса о социальном мире.

Но объекты социального мира, как я это уже показал, могут быть восприняты и выражены разным образом, поскольку они содержат всегда часть недетерминированности и неясности и, в то же время, некоторую степень семантической растяжимости: действительно, даже наиболее устойчивые комбинации свойств всегда основываются на статистических связях между взаимозаменяемыми чертами; кроме того, они подвержены изменениям во времени таким образом, что их смысл (в той мере, в какой он зависит от будущего) сам находится в ожидании и относительно недетерминирован. Этот объективный элемент неопределенности, который часто усиливается эффектом категоризации — одно и то же слово может покрывать различные практики — дает основание для множественности воззрений на мир, которая в свою очередь связана со множественностью точек зрения, и, одновременно, для символической борьбы за власть производить и навязывать легитимное ведение мира. (Именно на средних позициях в социальном пространстве, особенно в США, недетерминированность и объективная неопределенность связей между практиками и позициями является максимальной, и также, как следствие, велика интенсивность символических стратегий. попутно, что этот универсум предоставляет исключительно благоприятную почву для интеракционистов к, в частности, для Гоффмана.)

Символическая борьба по поводу восприятия социального мира может принимать разные формы. С объективной стороны, она может проявляться через действия представления, индивидуальные или коллективные, направленные на то, чтобы заставить увидеть и заставить оценить определенные реалии. Я думаю, например, о манифестациях, имеющих целью показать группу, ее численность, ее силу, ее сплоченность, сделать видимым ее существование. На индивидуальном уровне все стратегии представления себя, очень хорошо проанализированные Гоффманом, предназначены манипулировать образом себя и, в особенности (это Гоффман не учитывает), — своей позицией в социальном пространстве. С субъективной стороны, можно действовать, пытаясь изменить категории восприятия и оценивания социального мира, когнитивные и оценочные структуры: категории перцепции, системы классификации, т. е. в главном, — слова, названия, которые конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают, являются исключительными ставками в политической борьбе, в борьбе за навязывание легитимного принципа видения и деления, за легитимное осуществление эффекта теории. Я показал на примере Кабилии, что группы, дома, кланы или трибы и имена, обозначающие их, являются инструментами и ставками многочисленных

стратегий, и что агенты заняты непрерывными переговорами о своей идентичности: например, они могут манипулировать генеалогиями, как мы манипулируем (и с теми же целями) *текстами founding fathers*^[10] какой-либо дисциплины. Таким же образом, на уровне ежедневной борьбы классов, которую социальные агенты ведут в изолированном и распыленном состоянии, это могут быть оскорбления, как магическая попытка категоризации (*kathegoresthai*, из которой пришли наши категории, означает на греческом «обвинить публично»), сплетни, молва, дискредитация, инсинуации и т. п. На уровне коллективном, более свойственном политике, это все стратегии, нацеленные на внедрение нового конструирования социальной реальности через отказ от старой политической лексики или на сохранение ортодоксального видения через сохранение слов, которые являются часто эвфемизмами (я только что упоминал выражение «простые классы»), предназначенными называть социальный мир. Самыми типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначенное ограничить всегда открытый смысл настоящего.

Символическая борьба — как индивидуальная, за ежедневное существование, так и коллективная, организованная, в политической жизни, — имеет специфическую логику, придающую ей реальную автономию по отношению к структурам, в которых она берет начало. Поскольку символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия, постольку отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, конституирующих структуру социального пространства. Более конкретно, легитимация социального порядка не является продуктом сознательно направленного действия пропаганды или символического внушения, как в это верят некоторые; она вытекает из того, что агенты применяют к объективным структурам социального мира структуры восприятия и оценивания, произошедшие от этих объективных структур, потому существует тенденция воспринимать социальный мир как должное.

Объективные властные отношения стремятся воспроизвестись в отношениях символической власти. В эту символическую борьбу за производство здравого смысла, точнее, за монополию легитимной номинации, агенты вовлекают символический капитал, полученный ими в ходе предшествующей борьбы, и иногда гарантированный юридически. Дворянские титулы так же, как и дипломы представляют собой настоящий документ, подтверждающий обладание символической собственностью и дающий право

на получение прибылей от ее признания. Теперь еще раз нужно порвать с маргиналистическим субъективизмом, ведь символический порядок не устанавливается по образцу рыночной стоимости через простое механическое сложение индивидуальных порядков. С одной стороны, при выработке объективной классификации и иерархии ценностей, предписываемых индивидам или группам, все суждения имеют разный вес; обладатели большого символического капитала — *nobles*, т. е. этимологически, тот кто известен и признан, — способны навязать свою шкалу цен, наиболее благоприятную для их собственной продукции. Это происходит, в частности, потому, что на деле в нашем обществе они обладают квазимонополией на институции, официально устанавливающие, как, например, образовательная система, и обеспечивающие определенные ранги. С другой стороны, символический капитал может быть обнищалуо санкционирован, гарантирован и установлен юридически в результате официальной номинации. Официальная номинация, т. е. акт, по которому кому-либо присуждается определенное право или звание, как социально признанная квалификация есть одно из наиболее типичных проявлений монополии легитимного символического насилия, которая принадлежит государству или его официальным правителям. Тип диплома, например, является универсально признанным и гарантированным видом символического капитала, действующим на любом рынке. В качестве официального некой официальной идентичности, диплом как бы освобождает своего обладателя от символической борьбы всех против всех, предписывая ему общепринятую перспективу.

Государство, производящее официальную классификацию, являемся в определенном смысле высшим судом, на которую ссылается Кафка в «Процессе», когда Блок говорит адвокату, который считает себя «крупным адвокатом»: «Конечно, каждый может назвать себя «крупным», если ему это заблагорассудится, но в данном случае судебная терминология установлена твердо»^{xi[11]}. Для науки не может быть выбора между релятивизмом и абсолютизмом: истина социального мира поставлена на карту в этой борьбе между агентами имеющими неравные возможности для достижения совершенного, т. е. самоконтролируемого видения. Легализация символического капитала придает перспективе абсолютную и универсальную ценность, позволяющую вырваться, таким образом, из относительности, которая, по определению, свойственна любой точке зрения как взгляду с какой-то отдельной точки социального пространства.

Существует официальная точка зрения, которая есть точка зрения официальных лиц, выражающаяся в официальных высказываниях. Такие высказывания, как показал Аарон Сикурель, выполняют три функции: во-первых, Функцию диагностики т. е. акт узнавания, которое получает признание и которое достаточно часто направлено на

подтверждение, что некая персона или вещь существует и что она существует универсальным, возможным для любого человека, и, следовательно, объективным образом. Как хорошо показал Кафка, это почти божественная речь, определяющая для каждого его идентичность. Во-вторых, функцию администрирования, когда при помощи директив, приказов, предписаний и т. д. людям указывается, что они могут делать, будучи тем, что они есть. В-третьих, с помощью официальных отчетов, полицейских рапортов и т. п. сообщается о том, что люди сделали в действительности. В каждом случае предписывается некая точка зрения, точка зрения институции, в частности, через вопросники, бланки, формуляры и др. Эта точка зрения установлена, как легитимная, т. е. как такая, которую должны признавать все, по крайней мере в границах данного определенного общества. Уполномоченное лицо государства — носитель здравого смысла, поэтому официальные номинации и дипломы об образовании стремятся получить универсальную ценность на всех рынках.

Наиболее типичный результат действия «государственного интереса» — эффект кодификации, применяемой при таких достаточно простых операциях, как вручение удостоверения (диплома эксперта, доктора, юриста и т. д.), подтверждающего, что некто уполномочен высказывать точку зрения, признаваемую более высокой по отношению к частным точкам зрения. В форме справки о болезни, свидетельства о неспособности или о способности такие точки зрения дают общепризнанные права владельцу документа. Государство выступает как центральный банк, обеспечивающий все удостоверения. Рассуждая в терминах, используемых Лейбницем по поводу Бога, можно сказать о государстве, что оно суть «геометрическое место точек пересечения любых перспектив». Именно поэтому можно обобщить знаменитую формулу Вебера и увидеть в Государстве держателя монополии на легитимное символическое насилие, точнее, арбитра, но очень могущественного, в борьбе за эту монополию.

Однако в борьбе за производство и навязывание легитимного видения социального мира держатели бюрократического авторитета никогда не получают абсолютной монополии, даже когда добавляют авторитет науки (как, например, экономисты на службе у государства) к бюрократическому авторитету. В действительности, в обществе всегда есть конфликт между символическими властями, стремящимися внедрить свое видение легитимных делений, т. е. конструировать группы. Символическая власть в этом смысле есть власть *worldmaking*. *Worldmaking* — конструирование мира, заключается, по Нелсону Гудмену, в том, чтобы «делить и объединять, часто одним и тем же действием», производить декомпозицию, анализ и композицию, синтез, что часто совершается одним наклеиванием ярлыка. Социальные классификации, оперирующие главным образом (как,

например, в архаических обществах) бинарными противопоставлениями: мужской—женский, высокий—низкий, сильный—слабый и т. п., организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир.

Соответственно, теперь мы можем рассмотреть, при каких условиях символическая власть способна стать конститутивной властью. Будем брать этот термин, как Дьюи, одновременно в философском и политическом смыслах, т. е. как власть сохранять или трансформировать объективные основы для объединений и разделений, браков и разводов, ассоциаций и диссоциаций, действующие в социальном мире; как власть сохранять или трансформировать имеющиеся классификации в отношении рода, наций, регионов, возраста и социального статуса, — и все это при помощи слов, используемых для обозначения или описания индивидов, групп или институций.

Чтобы изменить мир, нужно изменить способы, по которым он формируется, т. е. видение мира и практические операции, посредством которых конструируются и воспроизводятся группы. Символическая власть, чьей образцовой формой служит власть образовывать группы (либо уже сложившейся группы, которые нужно заставить признать, либо группы, которые еще нужно формировать, как марксистский пролетариат), базируется на двух условиях. Во-первых, как всякий вид перформативного (производительного) дискурса, символическая власть должна быть основана на обладании символическим капиталом. Власть внедрять в чужой ум старое или новое видение социального деления зависит от социального авторитета, завоеванного в предшествующей борьбе. Символический капитал — это доверие, это власть, предоставленная тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание. Таким образом, власть конституирования, власть формирования новой группы с помощью мобилизации, или формирования ее «по доверенности», говоря от ее имени, являясь ее официальным выразителем, может быть получена лишь в результате длительного процесса институционализации, в итоге которого учреждается доверенное лицо, получающее от группы власть формировать группу.

Во-вторых, символическая эффективность зависит от степени, в которой предполагаемый взгляд основан на реальности. Очевидно, что конструирование групп не может быть конструированием из ничего (*ex nihilo*). Оно может быть тем более успешным, чем в большей степени базируется на реальности, т. е., как я уже говорил, на объективных связях между людьми, которых предстоит объединить. Эффект теории тем сильнее, чем теория более адекватна. Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов. В этом смысле символическая власть есть власть утверждения или

проявления, возможность утвердить или проявить то, что уже существует. Значит ли это, что она ничего не делает? В самом деле, как созвездие у Гудмена, которое начинает существовать лишь тогда, когда найдено и описано в качестве созвездия, также и группа, класс, род, регион, нация начинают существовать для тех, кто туда входит, и для всех остальных лишь тогда, когда они отличаются по какому-либо основанию от других групп, т. е. узнаны и признаны.

Таким образом, я надеюсь, можно лучше понять смысл борьбы за существование или несуществования классов. Борьба классификаций есть фундаментальное измерение классовой борьбы. Власть навязывать определенное видение деления или делать видимыми, эксплицитными имплицитные социальные деления, является прежде всего политической властью, т. е. властью создавать группы и манипулировать объективной структурой общества. Как и с созвездиями, созидательная власть описывать, называть, производить на свет в учрежденном, конституированном состоянии, т. е. в качестве *corporate body* — сформировавшегося корпуса, в качестве *corporatio*, как говорили средневековые юристы канонического права, изученные Канторовичем, то, что до сих пор существовало лишь как *collectio personarum plurium* — собрание многих лиц, серия, получившаяся от чистого сложения индивидов, обычным образом рядоположенных.

Теперь, если мы еще помним с главной проблеме, которую я пытаюсь раскрыть сегодня, я именно, как можно делать вещи, т. е. группы, с помощью слов, нам нужно ответить на последний вопрос — о мистерии министерства, *mysterium ministerium*, как любили говорить юристы канонического права: «Каким образом официальный представитель группы оказывается наделенным всей полнотой власти действовать и ГОВОРИТЬ от имени группы, которую он создал по магии призывов, лозунгов, приказов и самим своим существованием как олицетворение группы?» Так же, как правитель в архаических обществах, *Rex*^{xii[12]}, который, согласно Бенвенисту, наделен *regere fines* и *regere sacra*^{xiii[13]}, властью прокладывать и указывать границы между группами и, тем самым, создавать их как таковые, профсоюзные или партийные руководители, функционеры или эксперты, наделенные государственным авторитетом, являются в равной степени персонификациями социальной фантастики, которую они произвели на свет, в недрах и посредством самого своего существования, и чью власть они получают взамен этого.

Официальный представитель группы является ее субститутотом, который существует только через это делегирование, в его лице группа действует и говорит. Юристы канонического права говорили: «*Status* (позиция) есть *magistratus* (должностное лицо, занимающее ее)»; или, как говорил Людовик XIV: «Государство — это я»; или еще у

Робеспьера: «Народ — это я». Класс (народ, нация или любая другая социальная действительность, нефиксируемая другим образом) существует, если существуют люди, которые могут сказать, что они и есть этот класс, благодаря тому, что они говорят публично, официально, со своего места, и что они признаны как уполномоченные на это людьми, каковые признаются тем самым членами класса, народа, нации или другой социальной действительности, которую реалистическое конструирование мира может изобрести и внедрить.

Я надеюсь, что смог убедить вас, в рамках, обусловленных моими лингвистическими способностями, что сложность коренится в самой социальной реальности, а не в немного декадентском желании сказать, что это сложно. «Простое, — как говорил Башляр, — есть всегда упрощенное». И он показал, что наука никогда не развилась бы, если бы не сомневалась в простых вещах. Подобное сомнение особенно необходимо, как мне кажется, в социальных науках, поскольку, по всем приведенным мной причинам, мы слишком охотно стремимся удовлетворяться очевидным, которое нам предоставляет наш обыденный опыт и знакомство с научными теориями.

i[1] Текст лекции, прочитанной в Университете Сан-Диего в марте 1986 г.

ii[2] Конструктивистском структурализме (англ.).

iii[3] Структуралистском конструктивизме (англ.).

iv[4] A. Schutz. *Collected Papers, I; The Problem of Social Reality*. La Haye, Martinus Nijhoff, s. d. P.59.

v[5] Правящего класса (англ.).

vi[6] Чувство своего места (англ.).

vii[7] Народные воззрения (англ.).

viii[8] Чувство места другого (англ.).

ix[9] Демонстративного потребления (англ.)

x[10] «Отцов-основателей» (англ.).

xi[11] Ф. Кафка Америка. Процесс. Из дневников / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991 С. 386.

xii[12] Царь, правитель (лат.).

xiii[13] Правление границами, установление границ и правление священным, установление священного (лат.).